

К.О. ТЕЛИН, А.В. ПОЛОСИН*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЗАРУБЕЖНОЙ МЫСЛИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Аннотация. Современные реалии внешней и внутренней политики ряда государств актуализируют проблему исследования кризисных явлений. В статье авторы уделяют особое внимание накопленному в западной политической мысли опыту исследования кризиса, предлагая рассматривать его через несколько наиболее важных измерений. Дополнительно выделяются «проблемные поля», которыми может быть обусловлен собственно политический кризис, и те параметры кризисной динамики, которые порой выпадают из исследовательского внимания как в зарубежных, так и в отечественных работах.

Ключевые слова: кризис; стабильность; конфликт; внутренняя политика; политические институты.

К.О. Telin, A.V. Polosin

International debate on political crisis: Conceptualization the term

Abstract. Contemporary circumstances of international relations and domestic policy of a large number of states seriously actualize problems of scientific studies of the crisis. In current article, author pays particular attention to the accumulated experience of Western political thought and reflection study of the crisis, offering to consider the last few of the most important measurements. Additionally allocated «problem

* **Телин Кирилл Олегович**, кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: kirill.telin@gmail.com; **Полосин Андрей Владимирович**, доктор политических наук, заведующий лабораторией исследований кризисов факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: info@polit.msu.ru;

Telin Kirill, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: kirill.telin@gmail.com; **Polosin Andrei**, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: info@polit.msu.ru.

field», which may be due to the actual political crisis, and the parameters of the dynamics of crisis, which sometimes fall out of the research attention both in foreign and in domestic work.

Keywords: crisis; stability; conflict; domestic policy; political institutes.

Со степенью внимания отечественных авторов к проблематике политического кризиса может соперничать, пожалуй, лишь степень неопределенности исходного понятия (которую, впрочем, отмечают и западные авторы [Voïn, 2004]). В постсоветские годы категория «политического кризиса», как и «кризиса» вообще, стала, по всей видимости, одной из «жертв» ухудшающейся экономической динамики и наблюдаемой деградации социально-экономических условий: несмотря на то что обращение к ее терминологии регулярно происходило как в научной литературе, так и в популярной публицистике, разница в интерпретациях была и остается поразительной. Так, **О.В. Петренко** предполагает, что *«категория “кризис” отражает тот момент развития социальной системы, когда появляется возможность ее скачка в новое качество, а такая возможность – результат достижения противоречиями системы определенной степени зрелости и остроты»* [Петренко, 2009, с. 42]; **С.В. Коваленко** и **Л.К. Ермолаева** трактуют кризис как *«сбой функционирования системы с позитивным или негативным исходом»* [Ермолаева, Коваленко, 2012, с. 194]; **А.Н. Сулимин** полагает, что кризис есть *«сознательное или несознательное нарушение политического порядка акторами политической системы»* [Сулимин, 2013, с. 188]; **Т.Ю. Сидорина** в работе, озаглавленной «Философия кризиса», попросту не дает научного определения ключевого понятия, ограничиваясь предложенной **Н.И. Лапиным** [Лапин, 1992, с. 10] формулировкой *«нарушение прежнего равновесия»* [Сидорина, 2003: 18]. Широко используется синергетическая методология, акцентирующая внимания на кризисе «вообще» и определяющая политический кризис через привычные категории «хаоса» и «аттракторов» [Венгеров, 1993]. Не меньшей популярностью пользуется и позиция, предполагающая рассмотрение политических кризисов лишь в их конкретной (национальной, территориальной и иной) специфике, т.е. без обращения к терминам абстрактного «политического кризиса» [Binder, La Palombara, 1971].

Конечно, следуя методологическому рецепту **У. Гэлли** [Gallie, 1956], можно было бы объявить «кризис» сущностно оспаривае-

мым понятием (essentially contested concept), однако нам представляется, что подобное решение лишь усугубило бы существующие проблемы прикладных кризисных явлений и обозначение их границ. Меж тем актуальность и востребованность такого рода разработок не требует дополнительных комментариев: и в России, и в других государствах политический процесс регулярно сталкивается с волнениями, нерешенными проблемами, всплесками насилия и ослаблением имеющих статусных ролей и идентификаций.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что в отечественных исследованиях нередки и важные исследования, выдвигающие конструктивные замечания в отношении кризиса – к таковым можно отнести труды **Р.М. Ключника** [Ключник, 2013], **А.А. Дегтярева** [Дегтярев, 1998], **А.П. Зиновьева, С.А. Морозова, Е.В. Морозовой** [Зиновьев, Морозов, Морозова, 2003], **О.В. Рогозяна** [Рогозян, 2006], а также недавние исследования семинара «Фундаментальные проблемы политологии» и журнала «ПОЛИС» [Господин Кризис... 2009; Политический атлас – 2... 2009].

Концептуализация кризиса

Странным и почти необъяснимым обстоятельством, препятствующим четкому и непротиворечивому использованию понятия «политический кризис» в современной отечественной политологии, является отсутствие системного внимания к зарубежным разработкам, которые за давностью лет и уровнем цитирования могут, вероятно, считаться классическими. К таковым мы можем отнести Стэнфордский проект, занимавшийся исследованиями причинности политического развития и представленный в работе **Г. Алмонда, Р. Мундта и С. Флэнагана** [Almond, Flanagan, Mundt, 1973], школу исторического институционализма с ее исследованиями «зависимости от пути» (path dependence) и ее «критических развилок» (critical junctures) [Collier, Collier, 1991; Pierson, 2000], а также фундаментальные труды **Р. Козеллека** [Koselleck, 1988; 2002]. Кроме того, значительный вклад в научное исследование политических кризисов внесли работы **Э. Циммермана** [Zimmermann, 1983], **К. Даудинга и Р. Кимбера** [Dowding, Kimber, 1983], **У. Розенталя** и его соавторов **М. Чарльза, П. т'Харта, А. Бойна** [Rosenthal, Charles, t'Hart, 1989; Rosenthal,

Boin, Comfort, 2001]. Характерно, что среди отечественных исследователей, в противовес этим фундаментальным исследованиям, широкой популярностью по-прежнему пользуется упоминание иероглифического написания «кризиса» в китайской культуре, якобы одновременно означающего и «опасность», и «возможность» (на самом деле, это крайне распространенное заблуждение¹). Бесспорно, нельзя утверждать, что тема политического и социального кризиса не разрабатывалась в русской философии, однако существующий сегодня пробел во взаимодействии отечественной политической науки с западными разработками в данном направлении, очевидно, нуждается в исправлении.

Перечисленная теоретическая база для исследования политического кризиса позволяет анализировать происходящие в государстве процессы не с точки зрения эмоциональных реакций или интуитивных догадок, а с позиций достаточно сложной и развитой научной методологии. Так, стэнфордская модель предлагает рассматривать кризис с точки зрения сразу четырех методологических подходов – структурного функционализма, теории социальной мобилизации, теории лидерства и теории рационального выбора [Окунев, 2009]. Р. Козеллек, подчеркивая историчность кризиса и его оценочно-прогностическое значение, указывает на связь одной из трактовок этого понятия с отсутствием легитимного политического и социального строя [Koselleck, 1988, p. 161–163]. Институционалисты, тщательно рассматривающие возможности так называемой «зависимости от пути» (path dependence), указывают, что кризис можно связывать с «критическими развилками» на этом самом пути – периодами «значимых изменений», когда возрастает неопределенность и количество угроз, связанных с вероятной динамикой политического развития [Collier, Collier, 1991, p. 29–31].

В целом приведенные выше зарубежные авторы формулируют относительно непротиворечивую совокупность позиций, разъясняющих природу и возникновение политического кризиса как такового. Вместе с тем из этой совокупности нас интересуют наиболее характерные прикладные суждения, которые мы и постараемся привести ниже.

¹ См. пояснения в: [Суть слов... б. г.] и [Mair, 2009].

Во-первых, У. Розенталь и его соавторы разделяют взгляды К. Даудинга и Р. Кимбера на интерпретацию кризиса как «серьезной угрозы базовым структурам или фундаментальным ценностям и нормам системы, которая в условиях ограничения времени и непредвиденных обстоятельств вызывает потребность в экстренных решениях» [Rosenthal, Charles, t'Hart, 1989, p. 10] или как ситуации, «оспаривающей ключевые элементы идентичности системы и лишаящей ее способности адекватно реагировать на угрозы ее существованию из-за распада институтов или неуправляемой и скоротечной трансформации структурных связей» [Телин, Полосин, 2016, с. 98]. В условиях такой трактовки очевидно, что кризис неправомерно отождествлять с конфликтом, социальной напряженностью или «нарушением порядка» внутри политической системы. Кроме того, становится очевидным, что управляемые и последовательные изменения, даже масштабного и стратегического характера, не могут называться кризисом, хотя могут быть связаны с конфликтом ожиданий и социальными (адаптационными) шоками; в случае, если система, при прочих равных, обеспечивает воспроизводство легитимных властных структур и преемственность своего курса (даже реформаторского), разговоры о кризисе не представляются оправданными.

Фактически в представлении названных авторов, как и в работах С. Вербы [Verba, 1971] или «стенфордцев» [Almond, Flanagan, Mundt, 1973], выход из кризиса – или превентивное уклонение от него – даже подразумевает необходимость инноваций и изменений; эта позиция противостоит широко распространенному мнению о том, что кризису должна противостоять некая неизменная и едва ли не статичная «стабильность»¹. В случае, если структурной или институциональной трансформации политической системы, направленной на развитие и адаптацию к изменениям «окружающей среды»², не происходит в управляемой форме, система действительно сталкивается с кризисом, поскольку оказыва-

¹ Важно отметить, что исследование категории «стабильности» в политической науке также заслуживает отдельного внимания – и совершенно точно несправедливо отождествлять «стабильность» как научное понятие с использованием «стабильности» в речах политических лидеров.

² В данном случае под «окружающей средой» понимаются условия внешнего относительно конкретной политической системы мира – транс- и межнациональные экономические отношения, реалии существующего миропорядка и так далее.

ется не в состоянии справляться с вызовами и поддерживать сложившиеся социальные связи, статусные позиции и роли. Уже упомянутая стэнфордская модель кризиса, хорошо описанная **И.Ю. Окуновым**, подразумевает, что «для политической системы самым главным является поддержание необходимого уровня и качества управляемости» [Окунев, 2009, с. 140], и в этом поддержании она обязана отвечать на внешние и внутренние требования в сбалансированном, синхронизированном режиме. В случае если система перестает отвечать выдвигаемым требованиям и не выполняет свои адаптивные функции, она переходит в кризисное состояние.

Это приводит нас ко второму замечанию: одной из важнейших характеристик политического кризиса является всплеск политически мотивированного насилия, которое, с одной стороны, используется государственными институтами для сохранения status quo любыми доступными способами, а с другой – представляет собой следствие размывания государственной же монополии на насилие – оппозиция может использовать крайние средства для делегитимации и запугивания властей. Этому уделяют особое внимание **Л. Морлино** [Morlino, 1979] и Э. Циммерман [Zimmermann, 1983]. **Ч. Джонсон** [Johnson, 1964] также полагает, что зачинающийся кризис неразрывно связан с внешним или внутренним давлением на политическую систему, которое чаще всего выражается в эскалации насилия и выходе последнего из привычных границ государственного контроля; **Р. Йонг-а-Пин**, проведя исследование 98 государств за период 1998–2003 гг., подчеркивает неразрывную связь политически мотивированного насилия и кризисной нестабильности государства [Jong-a-Pin, 2006]. В свою очередь, некоторые отечественные авторы также справедливо отмечают, что наблюдаемый сегодня кризис международных отношений может выражаться в «максимуме массового насилия в мятежах, их подавлении, попытках сепаратизма, гражданских и внешних войнах» [Господин Кризис... 2009, с. 16].

Без сомнения, связь кризиса с насильственными действиями прослеживается едва ли не интуитивно, и тем не менее при исследовании кризиса важно не ограничиваться тем его измерением, которое упомянутый Р. Йонг-а-Пин характеризует как «агрессию». «Несмотря на то что исследования фокусируются на вопросах политического насилия (...), ни одно из них не полагает, что поли-

тическая нестабильность ограничивается этим единственным измерением», – указывает он [Jong-a-Pin, 2006, p. 2–3].

Из этого следует третий ключевой момент: имеющиеся в политической науке исследования кризиса предполагают, что он неразрывно связан с такими обстоятельствами, как «сжатие» времени, выделенного для принятия и реализации политических решений, и возрастающая степень неопределенности [Hermann, 1972] или даже, по выражению **И. Дрора**, «немыслимости» (inconceivability) [Dror, 1999, p. 152]. Р. Козеллек пишет: *«Кризис воспринимается как одноразовый, ускоряющийся процесс, в котором из деструкции существующей системы рождается и развивается новая ситуация»* [Шубрт, 2014, с. 71]. Это необходимые, но конечно же не достаточные признаки кризиса – некая задача или программа могут предполагать и высокую степень неопределенности, и ограничение во времени, но кризисным симптомом они становятся лишь тогда, когда соседствуют с факторами, рассмотренными ранее. Алмонд, Мундт и Флэнаган так описывают этот аспект кризисной ситуации: по сути, дисфункциональное состояние политической системы вызывается рассогласованностью «спроса» (политических ожиданий и запросов) и «предложения» существующих структур, а обострение этой рассогласованности инициируется субъективной [Voïn, 2004, p. 167] убежденностью участников в том, что несоответствие не может быть разрешено в рамках status quo. Эта убежденность обеспечивает не только отклонение системы от ранее выделенных приоритетных целей, но и распад имеющихся оснований соотношения и идентификации себя с имеющейся системой политических отношений.

Ч. Херманн подчеркивает, что кризис непросто отличить от интенсивной политической динамики [Hermann, 1972, p. 236]: да, вполне справедливо представление о «стремительности» кризисных явлений, препятствующей адекватному воспроизводству системы в ее основных параметрах, но, по сути, исследователь (или политик-практик) оказывается перед вопросом, что является «нормальным» уровнем динамики и развития. Однако здесь повторяется ситуация с третьим замечанием: сама по себе высокая скорость политических изменений не является определяющим элементом кризиса, однако в соседстве с другими обстоятельствами она действительно имеет значение.

Таблица

Кризис, стабильность и идентификаторы

Политический кризис			
РАВЕН		НЕ РАВЕН	
I	Разрушению существующих структур, статусов, ролей и институтов	≠ изменениям в социально-политической структуре общества	I
II	Неуправляемым, непредсказуемым, чрезмерно скоротечным изменениям	≠ ускоренной модернизации и динамичным социальным изменениям как таковым	II
III	Отсутствию коллективно разделяемых ценностей на общественном и групповом уровне	≠ отсутствию государственной идеологии	III
IV	Ограниченности сроков для принятия решения и ограничению прогнозного потенциала акторов		
V	Распространению политически мотивированного насилия и выходу его из-под контроля		

Нам представляется, что ключевое внимание в вопросе концептуализации «кризиса» политической системы может быть уделено пункту «идентификаторов» – ключевых параметров, характеризующих эту систему, определяющих ее существование и внутренние связи акторов или элементов системы между собой. Сам поиск такого рода параметров представляет собой исключительно серьезную задачу, ограничиваемую или трансформируемую национальной, территориальной и историко-темпоральной спецификой, что не означает, впрочем, возможности проигнорировать или «пропустить» ее.

Мы можем предположить некоторый перечень если не «идентификаторов» (их конкретное представление требует тщательного рассмотрения локальных условий или вдумчивого анализа на уровне как минимум монографии), то тех проблемных полей, анализ которых способен подтолкнуть нас к более целостному и системному пониманию сложившихся социально-политических отношений и обнаружению кризисных явлений до их перехода в актуализированную, конфликтную стадию.

Во-первых, это политический режим, т.е. «совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период» [Quermonne, 1986]. Внутри этой «идентификационной зоны» мы, конечно, должны обратиться к взаимодействию власти и населения, определению степени демократического участия, уровня плюрализма и конкуренции, а также общему характеру взаимодействия между самими властными структурами. Кризис внутри этого поля должен восприниматься не только как постепенный распад сложившейся системы отношений, статусов и ролей¹, но и как накопление угроз и рисков, связанных с противоречиями в этой системе, – таким образом, проблематизация должна увязываться не столько с уровнем демократических свобод и прав человека, как это нередко представляют исследователи-транзитологи [Fukuyama, 1992], сколько с эффективной выработкой и принятием решений. Чрезмерная эксклюзивность системы, как, впрочем, и ее популистский или плебисцитарный характер [Урбинати, 2016], приводит к ошибкам и aberrациям в обработке информации [Thomas, 1995; Irvin, Stansbury, 2004], неконкурентная публичная политика увеличивает издержки на обеспечение государственного аппарата [Barro, 1973; Boyne, James, John, Petrovsky, 2012; Pavletic, 2009, p. 199; Gayvoronsky, 2015, p. 13], а неразрешенные конфликты внутри элиты или бюрократии резко снижают адаптивные возможности системы и ее модернизационный потенциал [Jonh-a-Pin, 2006]. Требования прозрачности и инклюзивности являются, таким образом, направлены на совершенствование управленческих практик, а не на отдельно стоящую ценность демократии per se.

Проблема определения и влияния режима представляется тесно связанной со вторым примечательным фактором, куда мы можем отнести механизмы политической социализации и содержание идеологии, а также политической или даже (в терминологии **К. Грэя** [Gray, 1981]) стратегической культуры. Бесспорно, характерной особенностью любой стабильной и устойчивой системы является наличие некоего культурно-ценностного фундамента,

¹ Так, Х. Линц обозначает распад как результирующий момент кризиса, полное исчезновение существующих структурных решений, норм и институтов [Linz, Stepan, 1978].

выполняющего функции социального сплочения и интеграции, поэтому недостаточное внимание к таким вопросам нередко является одним из ключевых кризисных триггеров. Состояние аномии или резкого, но не учитываемого разрыва между пропагандируемыми и имеющимися ценностями выступает своеобразной «миной замедленного действия», которая может подорвать вполне устойчивое, на первый взгляд, социально-экономическое развитие. Это может быть проиллюстрировано многочисленными примерами одного только XX в.: накопленные внутри франкистской Испании противоречия привели к всплеску регионального терроризма басков [Хенкин, 2011, с. 159–160] и каталонцев [Vjorgo, 2005, p. 124–125], имитационные режимы Ближнего Востока стали жертвами «арабской весны» [Кудряшова, 2015], а нестабильность центральноазиатских режимов порой прорывается сквозь официозные заявления, возлагающие вину за нее на происки США и других стран. В некоторых случаях культурная преемственность может нарушаться из-за динамичного экономического развития и стремительной интеграции в мировую экономику, которая поневоле сталкивает друг с другом различные типы социального поведения. Так, по мере углубления китайских реформ, направленных на интеграцию страны в международное разделение труда, в Китае наблюдалось достаточно серьезное сопротивление этому процессу, начиная с выступления на площади Тяньаньмэнь и заканчивая трудовыми забастовками, бунтами и нападениями на партийные ячейки в провинциях [Cai, 2010]; в Южной Корее нередко не только протесты против рыночных порядков, но и вызванные культурным конфликтом самоубийства¹ [Kwon, Chun, Cho, 2009].

Нередко встречается и обратная ситуация, когда обращение к такого рода детерминантам идентичности принимает форму поиска различных «традиций», «традиционных ценностей» и «духовных скреп» (носящих одинаково эссенциалистский характер), а зачастую и воображаемого «национального духа» или «народного менталитета», давно заставляющих социологов сомневаться в адекватности и валидности таких конструкций. Даже К. Грэй, одним из первых предложивший концептуализировать «стратегическую культуру» для исследований внешней политики, через несколько

¹ Уровень самоубийств в Республике Корея по состоянию на 2015 г. – самый высокий среди стран ОЭСР.

лет признавал неспособность «разработать конкретную методологию для идентификации национальных культур и стилей» [Алексеева, 2012, с. 134]. Опасность представляет и ложное отождествление культурных основ социальной интеграции с наличием государственной идеологии: хотя последняя и представляет собой отдельный инструмент, чаще всего используемый для мобилизации населения и инкорпорирования в специфические рамки интерпретаций исторических событий, в бытовом словоупотреблении ее нередко путают с наличием общей культуры или общих поведенческих паттернов.

В-третьих, особую роль имеет институциональный срез социально-политического участия, т.е. отличительные особенности, связанные с самими структурами и формами вовлеченности в общественную жизнь. Институты, отвечающие за первичную или подростковую социализацию, могут оказывать крайне серьезное влияние на уровень политической активности в более зрелом возрасте [Шестопал, 2002]; кроме того конечно же нельзя недооценивать влияние институтов и на уровень выражения собственной позиции [Townsend, Womack, 1986; Abubakar, Olasupo, 2015; Jin, 1993]. Отсутствие профсоюзов, общественных объединений, think tanks, некоммерческих организаций спортивного, научного и культурного характера – все это серьезно отталкивает население от самой возможности политического участия, притом что социальные проблемы и конфликты все равно возникают. Еще более масштабное влияние оказывает отсутствие основных форм социализации – недостаточный охват системой образования, несовершенство рынка труда и пр.; эти факторы могут привести к всплеску насилия и вообще принудительной перестройке всей политической системы [Социально-демографический анализ... 2012]. Особенности же, обнаруживаемые внутри имеющихся институциональных форм социальной вовлеченности, накладывают серьезный отпечаток на уровень политической веры (т.е. уверенности в том, что сотрудничество с другими акторами может привести к реальному ощущаемому результату) [Пивоваров, 1995, с. 13], политический стиль и даже сохранение правил игры, задействованных в обществе на момент социализации его новых членов и способных стать источником поколенческого разрыва. Иными словами, «молчаливое» общество по-прежнему обладает многочисленными проблемами, но не использует политическую систему для их оперативного решения, и причиной тому могут являться именно существующие в

обществе особенности социализации и встраивания в общественное пространство.

В случае с подобными дефектами социализации, несомненно, имеются и более зримые и значимые проблемы: в обществе распространяется бедность, увеличивается расслоение, возможно возникновение маргинальных сообществ или в целом угроза существованию государства. Мы, однако, отдельно рассматриваем именно феномен политического кризиса, и поэтому внимание к экономическим факторам или социальным основаниям системного кризиса представляется в условиях такой задачи условно вторичным. Более интересны такие ситуации, как описанная **А. Юрчаком** «внезапность» некоторых социальных групп в СССР или ослабление идентичности через эрозию реальных групп, на которое указывают **Р. Патнэм** или **П. Норрис** [Putnam, 2000]. Российские авторы, к примеру, в некоторых случаях вообще выражают сомнения в наличии реальной «публичной политики» из-за отсутствия общества как такового [Федорова, 2011], другие же предполагают, что содержание социализации в соответствующих институтах устойчиво воспроизводит лоялистские формы идентичности, не представляет собой угрозы для конкретного политического режима, но может затруднить развитие политической системы [Ярославцева, 2012].

В-четвертых, поиск идентификаторов может быть связан с функционированием экономики – не только эффективность как таковая, но и стандарты ее измерения, формирования рынка труда и самих принципов трудовой этики могут оказывать не меньшее влияние на социально-политические процессы [Duff, McCanant, 1968; Шабров, 2002], чем, к примеру, институты представительной демократии. Примерами такого влияния может быть не только японская система пожизненного найма (終身雇用, *shūshin koyō*), но и китайский опыт «железной чашки риса» (铁饭碗, *tiě fàn wǎn*), почасовая оплата труда в развитых странах и т.д. Каждый из этих трудовых стандартов тесно связан с определенной этикой коллективного и индивидуального поведения, иллюстрируя взаимное влияние существующих в обществе институтов и поведенческих схем, а отсутствие внимания к такого рода детерминантам способно вызвать в обществе трансформационный шок и накапливающееся напряжение, могущее привести к политическим демонстрациям и выступлениям.

В-пятых, представляется важным подчеркнуть значимость для исследования политического кризиса механизмов избирательной системы и формального представительства. Характерным примером того, как электоральные особенности могут повлиять на политический процесс, могут быть не только формулировки «законов Дюверже» [Duverger, 1959], но и практический опыт современной Испании, где конфигурация «несовершенного бипартизма» [Кутузова, 2005] выступает уже не как один из симптомов политического кризиса, а как один из его источников [Телин, Полосин, 2016] – сложившиеся отношения ключевых партий усугубляют общую атмосферу недоверия граждан к политической системе. Кроме того, в рамках динамики электоральных отношений недооцененной оказывается и возможность так называемых «опрокидывающих выборов» [Хантингтон, 2003], которые неожиданно для инкумбента изменяют расклад политической жизни, переводя в публичную плоскость латентные до того момента конфликты и противоречия. Классическими примерами «опрокидывающих выборов» считаются выборы в Бразилии 1974 г., в Перу 1980 г., а также выборы в Польше 1988 г., ставшие катализаторами дальнейших демократических преобразований. Кроме того, в Чили в 1988 г. диктаторский режим **А. Пиночета** закончил свое существование «опрокидывающим референдумом», по результатам которого за продление полномочий «верховного лидера нации» высказалось только 43% граждан – иллюзия всеобщей поддержки оказалась развеянной под влиянием экономических и социальных неурядиц.

Вопрос о том, достаточен ли такой перечень или нет, остается открытым – многое зависит от национальной специфики, особенностей социального развития и пр. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что кризис – в представлении, к примеру, теорий path dependence [Pierson, 2000] – может быть «вложенным», включенным во внутреннюю логику трансформации политической системы; его симптомы долгое время могут оставаться скрытыми, а переход кризиса в открытую фазу часто проходит едва ли не незаметно.

В этом отношении приходится признать скверное влияние на исследования кризиса его ложного отождествления с конфликтом: и в науке, и в популярной литературе эти явления нередко рассматриваются едва ли не как синонимы. Это конечно же не соот-

ветствует действительности – не каждый политический конфликт достигает кризисного уровня, но и кризис как таковой не стоит сводить лишь к конфликту противоборствующих сторон: его влияние на систему социально-политических отношений гораздо многограннее и глубже. Кризис выражает неспособность воспроизводства системы в прежней ее конфигурации и неизбежный, как было указано выше, пересмотр функционально-ролевых, статусных и иных отношений; конфликт, даже разрешенный, может не иметь столь глубокого потенциала и столь фундаментальных последствий.

Заключение

В современных условиях проблема исследования политического кризиса, несомненно, приобретает все большую актуальность. В различных регионах мира формируются зоны нестабильности, развитые демократии сталкиваются со сложностями представительства и социально-экономической эффективности, а развивающиеся страны привычно оказываются в «ловушке среднего роста», которая не способствует бесконфликтной публичной политике. От политической науки требуется, таким образом, более четкий, взвешенный и грамотный анализ происходящих процессов, который не может быть связан с вульгаризацией или чрезмерно широкими трактовками основных понятий.

К сожалению, вплоть до последнего времени понятие «кризиса» сталкивалось именно с такими рисками. Можно предположить, что использование накопленного зарубежными исследователями массива знаний по указанной проблеме способно исправить или хотя бы скорректировать имеющиеся пробелы научных и околонаучных дискуссий. Изыскание кризисных проявлений в конфигурации политического режима, механизмах и формах социализации, стандартах экономического развития, имеющихся институтах и, в особенности, действии электоральной системы способно дать возможность оперативного прогноза и диагностики кризисных явлений, а опора на классические разработки позволит точнее определить возможные сценарии их развития и адекватного поведения участников политического процесса.

Список литературы

- Алексеева Т.А.* Стратегическая культура: Эволюция концепции. – Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 5. – С. 130–147.
- Венгеров А.Б.* Синергетика и политика // *Общественные науки и современность.* – М., 1993. – № 4. – С. 4–18.
- Дегтярев А.А.* Основы политической теории / Ин-т «Открытое о-во». – М.: Высшая школа, 1998. – 239 с.
- Ермолаева Л.К., Коваленко С.В.* Синергетическая парадигма политики. – М.: Флинта, 2014. – 229 с.
- Зиновьев А.П., Морозов С.А., Морозова Е.В.* Политический менеджмент. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. – 346 с.
- Ключник Р.М.* Основные подходы к исследованию политического кризиса // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология.* – Белгород, 2013. – Том 25, N 1 (144). – С. 144–147.
- Социально-демографический анализ арабской весны / А.В. Коротаев, А.С. Ходунов, А.Н. Бурова, С.Ю. Малков, Д.А. Халтурина, Ю.В. Зинькина // *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов.* – М.: Либроком / URSS, 2012. – С. 28–76.
- «Господин Кризис, как Вас теперь называть?»: Круглый стол / А.Г. Володин, А.И. Кольба, И.В. Кудряшова, В.В. Лапкин, М.М. Лебедева, С.А. Макаренко, В.И. Пантин, Я.А. Пляйс, Н.С. Розов, В.М. Сергеев, И.А. Чихарев // *Полис: Политические исследования.* – М., 2009. – № 3. – С. 9–33.
- Кудряшова И.В.* Арабское государство до и после «арабской весны». Часть 1 // Портал «Перспективы». – 2015. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/desk/arabskoje_gosudarstvo_do_i_posle_arabskoj_vesny_chast_1_2015-10-20.htm (Дата посещения: 01.07.2016.)
- Кутузова В.Л.* Националистические партии в политической системе Испании // *Латинская Америка.* – М., 2005. – № 11. – С. 51–67. – Режим доступа: <http://www.ilaran.ru/?n=267> (Дата посещения: 30.06.2016.)
- Лапин Н.И.* Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // *Мир России.* – М., 1992. – № 1. – С. 10–116.
- Политический атлас – 2: Мировой кризис, мегатренды и анализ нелинейной динамики политического развития / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, В.М. Сергеев, И.Н. Тимофеев // *Полис: Политические исследования.* – М., 2009. – № 3. – С. 98–104.
- Петренко О.В.* Политический кризис как научное понятие // *Армия и общество.* – М., 2009. – № 2. – С. 41–46
- Пивоваров Ю.С.* Концепция политической культуры в современной науке // *Политическая наука (теоретико-методологические и историко-компаративные исследования).* – М., 1995. – С. 6–46.
- Рогозян О.В.* Политический кризис: Анализ и технологии урегулирования: На примере Краснодарского края: Автореф. дис. ... канд. полит. н., 23.00.02 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – Режим доступа: <http://www.vevivi.ru/best/>

- Politicheskii-krizis-analiz-i-tehnologii-uregulirovaniya-na-primere-Krasnodarskogo-kraya-ref56592.html (Дата посещения: 14.08.2016.)
- Сидорина Т.Ю.* Философия кризиса – М.: Флинта, 2003. – 456 с.
- Сулимин А.Н.* Кризис политической системы: Системно-синергетический подход // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 8 (34), Ч. 1. – С. 187–189.
- Суть слов: означает ли «кризис» по-китайски «возможность» // Южный Китай: Особый взгляд. – Режим доступа: <https://www.south-insight.com/node/217926> (Дата посещения: 15.08.2016.)
- Телин К.О., Полосин А.В.* Кризисный гамбит пакта Монклоа // Сравнительная политика. – М., 2016. – № 2 (23). – С. 96–105.
- Урбинати Н.* Искаженная демократия: Истина и народ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 448 с.
- Федорова К.С.* Общество: Между всем и ничем // От общественного к публичному / Под ред. О. Хархордина. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2011. – С. 13–68. – (Серия Res publica; Вып. 5).
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века: Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 368 с.
- Хенкин С.М.* ЭТА: Расцвет и кризис националистического терроризма в Испании // Политика. – М., 2011. – № 4. – С. 155–171.
- Шабров О.Ф.* Политическая власть, ее эффективность и легитимность // Политология / Отв. ред. В.С. Комаровский. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – С. 122–136.
- Шестопал Е.Б.* Политическая психология. – М.: Инфра-М, 2002. – 448 с.
- Шубрт И.* Размышления о понятии «кризис» // Экономические и социальные перемены: Факты, тенденции, прогноз. – Вологда, 2014. – № 6. – С. 70–84.
- Ярославцева А.О.* Политическая стабильность: Современные параметры и коннотации // Политическая стабильность: Новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. – М.: РУДН, 2012. – С. 11–44.
- Abubakar S.O., Olasupo M.A.* Political socialization and social harmony in china: policy lesson for president Buhari administration of Nigeria // Journal of humanities and social science (IOSR-JHSS). – 2015. – Vol. 20, Issue 9, Ver. 4. – P. 75–81.
- Barro R.* The control of politicians: An economic model // Public choice. – Blacksburg, 1973. – Vol. 14. – P. 19–42.
- Binder L., La Palombara J.* Crises and sequences in political development. – Princeton: Princeton univ. press, 1971. – 337 p.
- Björgo T.* Root causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. – N.Y.: Routledge, 2005. – 288 p.
- Boin A.* Lessons from crisis research. Managing crises in the twenty-first century / B.W. Dayton (ed.) // International studies review. – Oxford, 2004. – N 6. – P. 165–194.
- Party control, party competition and public service performance / G.A. Boyne, O. James, P. John, N. Petrovsky // British journal of political science. – Cambridge, 2012. – N 42. – P. 641–660.

- Cai Y.* Collective resistance in China: Why popular protests succeed or fail. – Stanford, CA: Stanford univ. press, 2010. – 300 p.
- Collier R.B., Collier D.* Shaping The political arena: Critical junctures, the labor movement, and regime dynamics in Latin America. – Princeton: Princeton univ. press, 1991. – 888 p.
- Dowding K., Kimber R.* The meaning and use of «political stability» // European journal of political research. – Colchester, 1983. – Vol. 11, Issue 3. – P. 229–243.
- Dror Y.* Beyond uncertainty: Facing the inconceivable // Technological forecasting and social change. – Amsterdam, 1999. – Vol. 62, Issues 1–2. – P. 151–153
- Duff E., McCanant J.* Measuring Social and political requirements for system stability in Latin America // American political science review. – Cambridge, 1968. – N 62. – P. 11–25.
- Duverger M.* Political parties: Their organization and activity in the modern state. – Second English Revised edn. – L.: Methuen & Co, 1959. – 439 p.
- Flanagan S.C.* Models and methods of analysis // Crisis, choice and change crisis, choice and change / G. Almond, S. Flanagan, R. Mundt (eds). – Boston: Little, Brown & Co., 1973. – P. 43–102.
- Fukuyama F.* The end of history and the last man. – N.Y.: Free press, 1992. – 441 p.
- Gaivoronsky Y.* The influence of political competition on the efficiency of the regional executives in Russia // Working papers series: political science WP BRP 28/PS/2015. – Mode of access: <https://www.hse.ru/data/2015/11/23/1081839438/28PS2015.pdf> (Дата посещения: 05.07.2016.)
- Gallie W.B.* Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian society. – Oxford, 1956. – Vol. 56. – P. 167–198.
- Gray C.* National styles in strategy: The American example // International security. – Cambridge, 1981. – Vol. 6, N 2. – P. 21–47.
- Guantao J.* Socialism and tradition: The formation and development of modern Chinese political culture // Journal of contemporary China. – Oxford: Routledge, 1993. – N 2, Vol. 3. – P. 3–17.
- Hermann C.* Indicators of international political crises: Some initial steps toward prediction // Herrschaft and Krise / J. Janicke (ed.). – Oplanden: West German Press, 1972. – P. 233–243. – Mode of access: <http://www.voxprof.com/cfh/hermann-pubs/Hermann-Indicators%20of%20International%20Political%20Crises.pdf> (Дата посещения: 04.07.2016.)
- Irvin R.A., Stansbury J.* Citizen participation in decision making: Is it worth the effort? // Public administration review. – Washington, 2004. – N 64. – P. 56–65.
- Johnson C.A.* Révolution and the social system. – Stanford: Stanford univ., 1964. – 68 p.
- Jong-A-Pin R.* On the measurement of political instability and its impact on economic growth // Research Report 06 C05. – Univ. of Groningen: Research Institute SOM, 2006. – Mode of access: <https://ideas.repec.org/a/eee/poleco/v25y2009i1p15-29.html> (Дата посещения: 02.07.2016.)
- Koselleck R.* Critique and crisis: Enlightenment and the pathogenesis of modern society. – Cambridge: Massachusetts: MIT Press, 1988. – 214 p.
- Koselleck R.* The practice of conceptual history: timing history, spacing concepts. – Stanford: SUP, 2002. – 377 p.

- Kwon J.-W., Chun H., Cho S.-I.* A closer look at the increase in suicide rates in South Korea from 1986–2005 // BMC public health. – L., 2009. – N 9. – Mode of access: <http://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2458-9-72> (Дата посещения: 06.07.2016.)
- Linz J., Stepan A.* The breakdown of democratic regimes. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1978. – 376 p.
- Mair V.H.* How a misunderstanding about Chinese characters has led many astray // Pinyin.info. – 2009. – Mode of access: <http://pinyin.info/chinese/crisis.html> (Дата посещения: 15.08.2016.)
- Morlino L.* La crisi della democrazia // Rivista Italiana di scienza politico. – Trento, 1979. – N 9. – P. 37–70.
- Pavletic I.* Political competition, economic reform and growth: theory and evidence from transition countries: Diss. ETH No. 18525. – Fribourg, 2009. – Mode of access: <http://e-collection.library.ethz.ch/eserv/eth:442/eth-442-02.pdf> (Дата посещения: 02.07.2016.)
- Pierson P.* Increasing returns, path dependence, and the study of politics // The American political science review. – Cambridge, 2000. – Vol. 94, N 2. – P. 251–267.
- Putnam R.D.* Bowling alone: The collapse and revival of American community. – N.Y.: Simon & Schuster, 2000. – 544 p.
- Quermonne J.-L.* Les regimes politiques occidentaux. – Paris: Seuil, 1986. – 337 p.
- Rosenthal U., Boin R.A., Comfort L.K.* Managing crises: threats, dilemmas, opportunities. – Springfield: Charles C. Thomas Pub Ltd., 2001. – 366 p.
- Rosenthal U., Charles M.T., t'Hart P.* The World of crises and crisis management // Coping with crises: The management of disasters, riots, and terrorism / U. Rosenthal, M.T. Charles, P. t'Hart (eds). – Springfield: Charles C. Thomas Pub Ltd., 1989. – P. 3–33.
- Thomas J.C.* Public participation in public decisions. – San Francisco: JosseyBass, 1995. – 240 p.
- Townsend J.R., Womack B.* Politics in China. – Toronto: Little, Brown & Co., 1986. – 464 p.
- Verba S.* Sequences and development // Crises and sequences in political development / L. Binder, J. La Palombara (eds). – Princeton: Princeton univ., 1971. – P. 283–316.
- Zimmermann E.* Political violence, crises, and revolutions: theories and research. – Boston: G.K. Hall, 1983. – 810 p.